

будеть здорова,—а между тѣмъ, чортъ меня побери, я ужъ начинаю тосковать!.. Варя, эй, Варя!

Вбѣжала Варя.

— Такъ, что ты говоришь, что тебѣ говорила барыня?

— Барыня надѣялась, что вы будете кушать...

— Да вѣтъ, я не про то! Ты говоришь, барыня была не въ духѣ?

Варя повторила уже сказанное ею о Раисѣ Николаевнѣ.

— Такъ, такъ! Уходи теперь. Не надо мнѣ чаю. Я ничего не хочу.

„Въ самомъ дѣлѣ, она можетъ простудиться,—подумалъ онъ.— Поднялся вѣтеръ. Вотъ взбалмошная! Но я выдержу характеръ. Надо будетъ показать ей, что это на меня не дѣйствуетъ“.

И онъ опять заходилъ по комнатѣ, хмури брови и съ ожесточеніемъ насвистывая все одно и то же колыбельно какой-то нелѣпой, имъ самимъ, можетъ быть, вдругъ придуманной аріи.

Такъ продолжалось до десяти часовъ. Тоска его разрослась до неожиданныхъ размѣровъ. Онъ былъ блѣденъ и все ходилъ, все ходилъ.

Наконецъ, раздался звонокъ. Ѳеодоръ Игнатьичъ вздрогнулъ отъ радости и съ улыбкою произнесъ:

— А, вотъ, сама madame.

Но онъ не вышелъ въ переднюю. Торопливо взявъ книгу, онъ раскрылъ ее и погрузился въ созерцаніе голеностопнаго сочлененія. Было слышно, какъ Раиса прошуршала своимъ платьемъ, какъ сняла шубку (изъ передней потянуло холодкомъ) и о чемъ-то въ полголоса говорила съ Варей. Потомъ она ушла изъ передней.

Ѳеодоръ Игнатьичъ посидѣлъ нѣкоторое время въ позѣ глубокомысленнаго ученаго, который считаетъ голеностопныя жиły и кости гораздо важнѣе жены; но внезапно почувствовалъ ко всей этой анатоміи нестерпимую ненависть и, вскочивъ, отправился—стараясь, впрочемъ, не торопиться—на половину Раисы Николаевны.

Дружочекъ! можно къ тебѣ? Куда ты ѣздила?

Онъ стоялъ передъ дверью и слегка стучалъ въ нее согнутымъ пальцемъ. Отвѣта не было.

— Раиса! Ты здорова?

Опять молчаніе.

— Я серьезно спрашиваю тебя, Раиса!

Вышла Варя и сказала, что барыня просить ее не безпо-